

УДК 347

Сравнительный анализ исключительного права и права собственности

Сагдеева Лия Владимировна

Аспирант,

Институт Законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации,

117218, Российская Федерация, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34;

e-mail: lsagdeeva@itps-russia.ru

Аннотация

В статье рассматриваются сходства и различия права собственности и исключительного права с точки зрения философского и исторического аспектов, абсолютного и монопольного характера. Автор приходит к выводу, что основание неприкосновенности права собственности выражается в его ценности как возможности удовлетворять потребности людей. Опираясь на анализ доктрины, национального законодательства и законодательства зарубежных стран, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, автор показывает, что исключительное право и право собственности сближает их имущественный и абсолютный характер; рассмотрение в качестве монополии; возможность совершения любых действий по своему усмотрению как основная характеристика их содержания; возникновение как некое продолжение личности на результаты своего соответственного умственного или физического труда; постепенный генезис с учетом баланса частных и публичных интересов; превалирование императивных норм в правовом регулировании, а также возможность равным образом выступать юридической формой для экономических отношений собственности. Отмеченная общность исключительного права и права собственности как двух имущественных абсолютных прав, по мнению автора, дает основания для возможного единства правового регулирования в контексте принципа неприкосновенности собственности, предусмотренного ст. 35 Конституции Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что в п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации заложен потенциал для расширения границ при применении императивов принципа неприкосновенности собственности в отношении регулирования исключительных прав.

Для цитирования в научных исследованиях

Сагдеева Л.В. Сравнительный анализ исключительного права и права собственности // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 3А. С. 183-193.

Ключевые слова

Исключительное право, право собственности, абсолютное право, интеллектуальная собственность, монополия.

Введение

В истории правовой мысли данная проблема поднималась неоднократно и с конца XIX – начала XX века теория самостоятельной категории «исключительных прав» прочно заняла свое место в науке гражданского права. Не подвергая сомнению и не оспаривая тезис о самостоятельности исключительных прав, все же постараемся посмотреть на данный вопрос, как принято говорить, под другим углом.

Основная часть

Проявление личности. Первое, что объединяет право собственности и исключительное право это то, что право собственности и исключительное право можно рассматривать как продолжение личности. Постепенное высвобождение личности из архаического личновещного единства в рамках общины и рода приводит к ее индивидуализации (персонификации) и дает основания для перехода от общинной собственности (собственности рода) к личной (частной) собственности отдельного лица. Освобождение личности имеет не только имущественное содержание в становлении собственности, но и гуманистический потенциал в связи с признанием за личностью свободы, получившей универсальность с падением феодального Средневековья. Преодоленный в ходе исторического развития права синкретизм вещных и личных отношений, противопоставление внешнего механического мира вещей внутреннему идеальному миру людей не привели к полному их размежеванию. Человек по-прежнему нуждается в вещном мире, который составляет его естественное окружение, создает условия его нормального существования: «Даже такие гражданские общества, которые не слишком дорожат правами своих членов, все-таки провозглашают неприкосновенность права собственности. Это происходит оттого, что господство человека над вещью необходимо для удовлетворения его потребностей, а желание удовлетворять им до того свойственно человеку, что он в высшей степени дорожит служащими к тому средствами... вот почему право собственности везде признается особенно важным, считается неприкосновенным» [Мейер, 2003].

Таким образом, профессор Д.И. Мейер косвенно видит основание неприкосновенности права собственности в его ценности как возможности удовлетворять потребности людей. От себя подчеркнем, что потребности людей могут удовлетворять не только материальные блага, но и блага нематериальные (духовные), в том числе результаты творческой деятельности и средства индивидуализации. Речь, конечно, идет не только об удовлетворении

духовных потребностей общества и самого автора, но и несомненно о материальных потребностях последнего, чему способствует все возрастающая коммерциализация интеллектуальной собственности. В связи с чем нет непреодолимых препятствий отказываться в неприкосновенности не только правообладателю материальных благ, но и правообладателю благ нематериальных.

Представления о собственности как о продолжении личности, как о ее рефлексе в материальном мире обладают потенциалом и для исключительных прав, имеющих своим объектом результаты творческой деятельности, в которых личность угадывается еще с большей очевидностью. Весь ход исторического развития института «интеллектуальной собственности» был направлен к приобретению так называемой литературной (художественной, музыкальной, промышленной) собственностью постепенной самостоятельности и отделению от проприетарного влияния. Господствовавший в XVIII–XIX вв. взгляд на формирующийся институт авторского права как на продолжение права собственности на началах безусловности, неограниченности и бессрочности имел особенный успех во Франции в период буржуазных революции. В этом влиянии проявились две черты права, которые обнаруживают себя наиболее выпукло при зарождении нового: во-первых, консерватизм, свойственный науке вообще, соединенный с эластичностью и выражающийся в стремлении объяснить все новое, используя традиционные и хорошо изученные категории; во-вторых, стремление к достижению устойчивости и компромисса как результату борьбы противоположных интересов, ведь само право – это результат баланса «противоборствующих» интересов.

Теория проприетарной собственности, последовательным сторонником которой в дореволюционной российской цивилистике был проф. И.Г. Табашников, находя отражение в позитивном праве европейских стран и России, вместе с тем никогда не представала в своем логическом завершении, сохраняя характер срочности. Начиная с XIX в., теория подвергается острой критике со стороны как экономистов, так и ученых-юристов. Аргументация противников имела различные основания. Сторонники личных теорий выдвигали на первый план личность автора, его личные интересы. Кроме того, отмечается социальная значимость института, т.к. общество заинтересовано в доступе к культурным ценностям и достижениям науки. Таким образом, «общественный интерес» и «ограниченность» – два взаимосвязанных момента, которые, проявляют себя в праве собственности и в исключительных правах. Можно говорить о различии в степени данного проявления для указанных прав, утверждать, что в интеллектуальных правах влияние общественных интересов доведено до уровня принципа данной подотрасли, что не находит отражения в вещном праве, для нас же важно подчеркнуть основную мысль, что общественные интересы ограничивают не только исключительные права, но и право собственности.

Рефлексия и продолжение личности вовне, которые лишь угадываются в вещах, несомненно, с большей очевидностью проявляются в результатах творческой деятельности, так

как произведение рождается автором, является его творением, проявлением его внутреннего я, его личности. Все сторонники так называемых личных теорий (Блюнчли, Безелер, Ортлоф, Гарейс, Гирке) были единодушны в понимании связи автора и его творения.

Монопольный и абсолютный характер. Противники проприетарной теории были и среди сторонников рассмотрения института интеллектуальной собственности с точки зрения имущественной составляющей. Французским юристом Пикаром авторские права именовались интеллектуальными (*droits intellectuels*), рядом ученых – особым имущественным правом (Мандри, Клостерман, Даудэ, Ферстер, Вехтер, Пуйлье), а проф. Г.Ф. Шершеневичем – исключительными. Признание и научное обоснование исключительных прав в качестве самостоятельной группы имущественных прав было несомненным шагом в развитии института «литературной, художественной, музыкальной и промышленной собственности».

Рогеном правам автора на произведения духовного творчества придавалась характеристика монопольных прав (*monopoles de droit privé*), сущность которых понималась «не как право исключительного обладания известным определенным предметом, но как право препятствовать со стороны одного лица всем прочим в обладании подобными же предметами». Раскрывая понятие «монополия», Роген отмечал, что «согласно обычному словоупотреблению монополия представляет собой нечто исключительное. Следовательно, она не является возможностью пользоваться одному данною вещью, потому что все абсолютные права имеют подобное свойство» [Roguin, 1891]. Различие же между «монополией» и вещным правом, с позиции ученого, выражалось в том, что если в вещном праве активная (положительная) и пассивная (отрицательная) стороны одинаково значимы, то в «монополии» первая отсутствует. Монополия представляет собой всеобщую обязанность воздержаться от совершения определенного рода действий и в системе права занимает промежуточное место между вещными и обязательственными правами.

Г.Ф. Шершеневич, критически высказываясь по поводу теории монопольных прав Рогена, замечал, что «в таком случае нужно признать, что и право собственности на земельный участок составляет монополию в отношении всех, желающих обратить свой труд на возделывание его» [Шершеневич, 1891]. На что, в связи с данной критикой, хотелось бы обратить внимание.

Во-первых, понимая под «монополией» нечто исключительное, принадлежащее одному или немногим, монополия является в целом свойством абсолютных прав и в этом смысле действительно «нужно признать, что и право собственности на земельный участок составляет монополию».

Во-вторых, теория исключительных прав самого Г.Ф. Шершеневича строится в основных чертах по той же схеме, что и теория монопольных прав Рогена. «Круг частных потребностей человека, – говорил профессор Шершеневич, – находит себе удовлетворение, с одной стороны, в непосредственном обладании вещами, с другой – в действиях других лиц. С юридической стороны та и другая цель достигается существованием вещного и

обязательственного права. Но современные экономические условия вызывают новые отношения, новые интересы вне указанных... Обнаруживается, что некоторые действия доставляют имущественную выгоду лицу, совершающему их, если от совершения таких же действий будут удержаны другие лица... Так как цель юридической защиты клонится ... к предоставлению известным лицам исключительной возможности совершения известных действий с запрещением всем прочим возможности подражания, то эти права следовало бы назвать исключительными...

Рассматривая содержание указанных исключительных прав... оно заключается в исключительной возможности совершения известного рода действий, причем все третьи лица обязываются к воздержанию от совершения таких же действий. Из этого определения обнаруживается соотношение исключительных прав с правами вещными и обязательственными... С первой категорией прав их сближает абсолютный характер их силы – именно действие их в отношении всех... Однако исключительные права отличаются от вещных по своему объекту: в то время как вещные права имеют своим объектом материальные предметы, объектом исключительных прав являются действия. С этой стороны исключительные права приближаются к обязательственным, которые также имеют своим объектом действия. Различие между ними заключается, однако, в том, что в обязательственном праве совершение действий составляет обязанность известного лица, тогда как в исключительных правах оно составляет возможность для правообладателя, в обязательственных правах от известных лиц требуется совершение положительных действий, в исключительных правах – воздержание от подобных действий, наконец, в обязательственных правах к совершению действия понуждаются известные лица, тогда как в исключительных к воздержанию от подражания обязываются все».

В связи с процитированным отрывком хотелось бы выделить два момента. Во-первых, объектом интеллектуальных, в том числе авторских, прав являются не действия, а результаты творческой деятельности и средства индивидуализации, что в «большой степени сближает» интеллектуальные права не с обязательственными, как полагал Г.Ф. Шершеневич, а, наоборот, с вещными правами.

Во-вторых, сравнение с обязательственными правами, данное профессором, есть сравнение вообще абсолютных (вещных, исключительных) и относительных (обязательственных) отношений, критерий деления которых в субъектном составе и характере связи между субъектами. В относительных правоотношениях субъекты прав и обязанностей определены, и именно между ними непосредственно устанавливается правовая связь. В абсолютных правоотношениях определен только один субъект (правообладатель), которому противостоит заранее неопределенное число пассивных субъектов (обязанных лиц). В абсолютных правоотношениях правовая связь управомоченного субъекта существует и действует одинаково, равным образом против любого и каждого. Следствием особенностей структуры абсолютных правоотношений является абсолютный характер защиты,

при котором абсолютное право защищается от любого посягательства со стороны любого третьего лица. Независимо от причиненного имущественного вреда, для возмещения которого по общему правилу требуется наличие факта убытков и вины нарушителя, абсолютные права подлежат защите как таковые, т.е. даже в том случае, если нарушением не затронуты имущественные права. Для осуществления абсолютных прав необходимо и достаточно волеизъявления правообладателя, а неправомерное осуществление абсолютного права со стороны любого третьего лица или неправомерное воспрепятствование правообладателю в осуществлении им своего права подлежат пресечению, а само право восстановлению. Особым способом защиты абсолютных прав выступают иски о признании права.

Впоследствии профессор Шершеневич уточнил свою научную позицию, признав, что «исключительное право, как и право собственности, защищается против всех, потому что нарушителем может быть каждый. Но указанное сходство доказывает только, что то и другое право принадлежит к одному роду – абсолютных прав, различаясь, как виды, по своему объекту. Право собственности тесно связано с материальностью своего объекта, тогда как у исключительного права материального объекта нет».

Таким образом, вещные и исключительные права кроме имущественной компоненты сближает также абсолютный характер, позволяющий выделить в них две равнозначные стороны:

- активную (действия управомоченного лица, правообладателя) и
- пассивную (поведение обязанных лиц) как воздержание (обязанность) не препятствовать правообладателю, обращенная ко всем третьим лицам.

В.И. Синайский определял содержание авторского права «прежде всего в исключительном праве всеми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведение» [Синайский, 2002], т.е. обращал внимание, в первую очередь, на положительный аспект. В противоположность ему А.А. Пиленко настаивал на том, что отношения, возникающие в связи с обладанием патентом «не могут быть выконструированы иначе как по негативной схеме... содержанием права из патента является возможность запрещения... Патентное право есть право запрещения, обращенное ко всем третьим лицам... позитивная же возможность фабрикация есть не юридическое понятие, а экономическая функция правового института запрещения» [Пиленко, 2001]. Придание большего значения положительной стороне патентного права, с точки зрения А.А. Пиленко, может быть оправдано, прежде всего, историческими причинами. Существование цехового строя и отсутствие свободы труда привели к тому, что защита прав первых изобретателей, возникшая поначалу в виде дарованных королевской властью привилегий, строилась по разрешительному пути. Изобретатели получали особое право эксплуатировать свои разработки за рамками установленной цеховой системы. Наличие последней исключало необходимость установления дополнительных запретов на использование, т.к. цех определял правила, за рамками которых производство было невозможно, а свобода труда была ограничена цеховой организацией

последнего. Таким образом, привилегия рассматривалась в первую очередь как разрешение. Негативная сторона стала приобретать самостоятельное значение с разрушением цеховой системы труда и установлением законодательного принципа в защите патентных прав.

Придание большей значимости отдельно либо положительной, либо негативной (отрицательной) стороне, на наш взгляд, не является верным направлением для полного и всестороннего исследования. Первая предоставляет правообладателю широкий объем полномочий, признает в пределах (границах) соответствующего права свободу в реализации мер дозволенного поведения, независящего от воли других лиц. Характеристика С.С. Алексеевым прав собственника как прав «общедозволительных», позволяющих собственнику благодаря их абсолютности и исключительности совершать в отношении своего имущества любые действия (в пределах, предусмотренных законом) и строить свое поведение по своему усмотрению, в равной мере может быть отнесена к исключительным правам. Вторая обращена к любому и каждому и выражается в недопущении воздействия (воздержании любого и каждого), направленного на какое-либо нарушение первой [Алексеев, 2010].

К.П. Победоносцев, говоря о праве собственности, определял его как «право исключительного и полного господства». «Полнота выражает положительную сторону этого права, исключительность – отрицательную сторону... свойство исключительности... значит, что когда я имею право на вещь, никому не может в то же время принадлежать подобное же право на ту же самую вещь, и если бы по какому-нибудь случаю такое право предоставлено было другому лицу, оно само по себе ничтожно, недействительно» [Победоносцев, 2002]. При подобном понимании термина «исключительность» вещное право в романо-германской правовой системе «более исключительно», чем исключительное право на некоторые виды интеллектуальной собственности, т.к. последнее в силу нематериального характера объекта права может принадлежать одновременно нескольким лицам (причем абсолютно одинаковое и в отношении одного и того же объекта). Достаточно вспомнить правовой режим таких объектов интеллектуальных прав, как коллективные товарные знаки, наименования мест происхождения товаров, секреты производства. В этом, по мнению В.А. Дозорцева, проявлялось ослабление абсолютных прав.

Г.Ф. Шершеневич применительно к праву собственности также выделял отрицательный и положительный признаки, понимая под первым – исключительность (недопустимость препятствовать воле собственника или присваивать себе вещь без и помимо его согласия) и независимость права собственности (свобода воли собственника от согласия посторонних лиц), а под вторым – правомочия, составляющие содержание права собственности, которые также не являются безграничными. Понятие исключительности, данное Г.Ф. Шершеневичем в отношении права собственности, на наш взгляд, коррелирует с понятием «исключительности», сформулированным профессором применительно к исключительным правам. Таким образом, дореволюционное понимание «исключительности» было связано с монополией, исключительной возможностью совершения определенных действий

и устранением всех третьих лиц, при этом свойство исключительности признавалось и за правом собственности.

А.А. Пиленко подчеркивал, что «авторское и патентное право есть очевиднейшая монополия изготовления и продажи – монополия искусственная, временно и местно ограниченная, абсолютная». Однако исторически понятие «монополия» ассоциировалось в общественном сознании с феодальным устройством и выдачей привилегий со стороны королевской власти. Предпринимаемые попытки рассмотрения патента как нечто нового и самостоятельного, качественно отличающегося от монополий, были продиктованы, прежде всего, стремлением «облагородить» молодой и развивающийся институт, показать его принципиальную разницу с искореняемыми несправедливыми монополиями и привилегиями.

Современная правовая мысль также отмечает очевидную принципиальную связь монополии с абсолютным характером права собственности и исключительных прав. В.А. Дозорцев признавал, что «для материальных вещей монополия выражается в институте права собственности, а для нематериальных результатов интеллектуальной деятельности – в исключительных правах... монополия получает юридическое выражение в общей категории абсолютных прав, одной из ветвей которых, и в течение тысячелетий – единственной, является право собственности, а другой, сравнительно недавно выросшей, – исключительные права».

Проявление активной стороны применительно к праву собственности и исключительному праву находим в ГК РФ, дающем сходные формулировки соответственно в п. 2 ст. 209 ГК РФ «Содержание права собственности» и абз. 1 ст. 1229 ГК РФ «Исключительное право»: «вправе по своему усмотрению совершать любые действия» и «вправе использовать по своему усмотрению любым способом».

Абсолютность прав, их обязательность для любого и каждого, а значит необходимость быть определенными и очевидными для любого и каждого служат причиной того, что «государство не может предоставить определение объема и содержания их произволу частных лиц и должно само, сообразуясь с потребностями юридического быта... постановить, какие формы... оно считает возможным допускать на своей территории». Необходимо отметить, что Е.В. Васьковский говорил в данном случае о вещных правах как правах абсолютных, хотя не отождествлял последние исключительно с вещными, признавая существование других прав абсолютного характера, например, авторских [Васьковский, 2003].

Действующее правовое регулирование права собственности и исключительных прав осуществляется прежде всего на началах императива и преваляции императивных норм, напрямую определяющих на уровне закона перечень результатов творческой деятельности и средств индивидуализации, способы использования интеллектуальной собственности, случаи и пределы ограничений прав авторов (правообладателей). Родовая близость вещных и исключительных прав на уровне прав абсолютных допускает и предполагает, на наш взгляд, определенную общность правового регулирования, не отрицая их самостоятельного характера.

Говоря о понятии имущества применительно к положениям ч. 2 ст. 35 Конституции РФ, Конституционный Суд РФ определяет, что понятием «имущество» «охватывается любое имущество, связанное с реализацией права частной и иных форм собственности, в том числе имущественные права, включая полученные от собственника права владения, пользования и распоряжения имуществом, если эти имущественные права принадлежат лицу на законных основаниях. Реализация имущественных прав осуществляется на основе общеправовых принципов неприкосновенности собственности и свободы договора, предполагающих равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданско-правовых отношений». Имущественные права, составляющие содержание конституционно-правового понятия имущества, включают в себя как вещные права, так и права обязательственные.

Хотя Конституционный Суд РФ не упоминает интеллектуальную собственность в составе имущества по смыслу ст. 35 Конституции РФ, распространение неприкосновенности собственности не только на материальные объекты, но и на имущественные права дает основания говорить о более глубоком правовом потенциале данной статьи. Достаточно привести позицию судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева: «В отличие от гражданско-правового принципа неприкосновенности собственности, который призван защищать субъектов вещных прав, с точки зрения конституционного права нет разумных оснований для отказа в распространении конституционных гарантий права частной собственности и на интеллектуальные права».

Заключение

Таким образом, исключительные права и право собственности сближает их имущественный и абсолютный характер. Возможность совершения любых действий по своему усмотрению (в пределах, предусмотренных законом) как основная характеристика их содержания; возникновение как некое продолжение личности на результаты своего соответственного умственного или физического труда; постепенный генезис с учетом баланса частных и публичных интересов; превалирование императивных норм в правовом регулировании, а также возможность равным образом выступать юридической формой для экономических отношений собственности.

Библиография

1. Алексеев С.С. Право собственности: проблемы теории. М.: Норма, 2012. 240 с.
2. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. М.: Статут, 2010. 495 с.
3. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 382 с.
4. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ о гарантиях права частной собственности при принудительном отчуждении имущества для государственных нужд // Законодательство. 2008. № 1. С. 40-50.

5. Дозорцев В.А. Понятие исключительного права // Юридический мир. 2000. № 3. С. 3-11.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 831 с.
7. Пиленко А.А. Право изобретателя. М., 2001. 779 с.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. 639 с.
9. Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.
10. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. 321 с.
11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Статут, 2005. 461 с.

Comparative analysis of exclusive rights and property rights

Liya V. Sagdeeva

Postgraduate,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bol'shaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lsagdeeva@itps-russia.ru

Abstract

The article examines the similarities and differences between the property right and the exclusive right in terms of philosophical and historical aspects, absolute and exclusive character. The author comes to the conclusion that the inviolability of the right of property is expressed in its value as an opportunity to satisfy the needs of people. Based on the analysis of the doctrine, national legislation and legislation of foreign countries, as well as legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author shows that the exclusive right and property right brings together their property and absolute character; consideration as a monopoly; the possibility of committing any actions at their discretion as the main characteristic of their content; emergence as a kind of continuation of the personality to the results of their respective mental or physical labor; gradual genesis, taking into account the balance of private and public interests; the prevalence of peremptory norms in legal regulation, as well as the opportunity to act as a legal form for economic property relations. The author comes to the conclusion that in paragraph 1 of Art. 1 of the Civil Code of the Russian Federation lays the potential for expanding the boundaries when applying the imperatives of the principle of inviolability of property with regard to the regulation of exclusive rights.

For citation

Sagdeeva L.V. (2017) Sravnitel'nyi analiz isklyuchitel'nogo prava i prava sobstvennosti [Comparative analysis of exclusive rights and property rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (3A), pp. 183-193.

Keywords

Exclusive rights, ownership, absolute right, intellectual property, monopoly.

References

1. Alekseev S.S. (2012) *Pravo sobstvennosti: problemy teorii* [Ownership: problems of theory]. Moscow: Norma Publ.
2. Alekseev S.S. (2010) *Sobranie sochinenii. V 10 t. T. 4* [Collected works. In 10 vols.]. Moscow: Statut Publ.
3. Dozortsev V.A. (2000) Ponyatie isklyuchitel'nogo prava [The concept of the exclusive right]. *Yuridicheskii mir* [The legal world], 3, pp. 3-11.
4. Gadzhiev G.A. (2008) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF o garantiyakh prava chastnoi sobstvennosti pri prinuditel'nom otchuzhdenii imushchestva dlya gosudarstvennykh nuzhd [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on guarantees of private property rights with compulsory alienation of property for state needs]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 1, pp. 40-50.
5. Meier D.I. (2003) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow: Statut Publ.
6. Pilenko A.A. (2001) *Pravo izobretatelya* [The right of the inventor]. Moscow.
7. Pobedonostsev K.P. (2002) *Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava* [The course of civil law. The first part: Ancestral rights]. Moscow: Statut Publ.
8. Shershenevich G.F. (1891) *Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniya* [Copyright in literary works]. Kazan.
9. Shershenevich G.F. (2005) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. T. 1.* [Textbook of Russian civil law]. Moscow: Statut Publ.
10. Sinaiskii V.I. (2002) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian civil law]. Moscow: Statut Publ.
11. Vas'kovskii E.V. (2003) *Uchebnik grazhdanskogo prava* [Textbook on civil law]. Moscow: Statut Publ.